

Глава 1

Аркадий Викторович Игнатъев поднял руку с пистолетом и, стиснув зубы, нажал на спуск. Выстрелы глухо ударили один за другим, со звоном полетели на пол стреляные гильзы. Рука дрожала. Опустив пистолет и с ненавистью глядя в темноту, Игнатъев поднял вторую руку с зажатой в ней бутылкой. Вкуса виски он не чувствовал, он просто глотал и глотал жидкость, пытаясь найти в опьянении какое-то равновесие внутри себя.

— Не налегай, — раздался за спиной знакомый голос, от которого хотелось избавиться, но он все равно звучал.

— Праздную, — ответил Игнатъев, и вдруг в его голосе появились злые нотки: — Имею право! Соколовский не решил проблему со своей женой, зато я решил проблему с Соколовским.

— А кто решит проблему с тобой, Аркаша?

Алкогольный туман в голове не помешал ему уловить скрытый смысл вопроса. Игнатъев обернулся и увидел, как из темноты под светом фонаря появилась рука с пистолетом и хорошо знакомой буквой «F» на запонке. Пистолет выплюнул с огнем и грохотом пулю, казалось, прямо ему в лицо. Игнатъев сглотнул тягучую слюну с горечью во рту и повернулся к мишени. Пуля пробила отверстие точно в «голове».

— Ты ведь помнишь про наш уговор?

— Уговор я нарушать не собираюсь, — угрюмо ответил Игнатъев.

— Надеюсь, мстить Соколовскому-младшему ты тоже не станешь.

— А зачем? — спросил Игнатъев и стиснул рукоятку пистолета. Волна злости накрыла его, но она принесла с собой твердость и упрямую сосредоточенность. Он поднял руку. Пистолет больше не прыгал в ней, мушка совместилась с целью. Выстрел, еще один! Обе пули попали точно «между глаз» мишени на стене. — На зоне такие, как он, долго не живут.

День или ночь. Игорю Соколовскому было все равно. В маленькое окно камеры СИЗО попадало так мало света с улицы, а свет лампочки под потолком так слепил глаза, что он давно уже перестал думать о таких пустяках, как время суток. Комната для допросов от камеры ничем не отличалась. Те же стены, та же краска, те же потолок и окно. Только не было здесь железной кровати, а был стол и привинченный к полу стул.

Коробочку с кольцом Соколовский поспешно сунул в карман, как только снаружи лязгнул на двери засов. И Вика была все та же. Тот же строгий костюм, знакомая блузка и большие глаза, которыми она умела так смотреть. Вика вошла, обернулась на дежурного, дождалась, когда он выйдет, и села напротив. И опять она смотрела молча и говорила своими большими глазами. Игорь отвел взгляд, нащупав в кармане коробочку, и стал смотреть на сетку с мандаринами, которую принесла Вика, и книгу. С усмешкой он прочитал название на обложке: «Волженкин Б.В. «Экономические преступления».

Протянув руку, Игорь взял книгу и стал переворачивать страницу за страницей, потом поднял наивные и непонимающие глаза на свою бывшую начальницу:

— Где?

— Что — где? — не поняла Вика, недоуменно следя за руками Соколовского.

— Напильник, — тоном заговорщика громко прошептал Игорь и покосился на дверь. — Без напильника ничего не выйдет.

— Прекрати, это не смешно! — вспыхнула Вика, и ее большие глаза готовы были вот-вот наполниться слезами. — У тебя завтра вечером суд.

— Хорошо, что напомнила, — пытаюсь скрыть горечь в голосе, ответил Игорь. — Я как раз собирался тебя пригласить! Есть два билета в первый ряд. Хочешь, Даню возьми.

— Игорь... — Вика смотрела на Соколовского, в его запавшие глаза, на многодневную щетину, больше напоминавшую короткую бороду. — Даня сделал мне предложение.

Подумав, Игорь снова вытащил из кармана руку, так и не достав заветную коробочку с кольцом.

— Надо брать, — уверенно кивнул он. — Такой парень!

— Игорь, я долго думала...

— Я серьезно, — вздохнул Соколовский. — Обвинение просит одиннадцать лет, и я, скорее всего, приму их предложение. А ты прими его предложение. Даня хороший человек и любит тебя. А у меня только одна просьба. — Соколовский снова посмотрел Вике в глаза наивно и открыто. — Не называйте первенца Игорем.

— Хотя бы раз ты можешь не валять дурака? — Вика вскочила на ноги, ее губы прыгали от обиды и негодования.

Круто повернувшись на каблуках, она выскочила из комнаты. Игорь вздохнул и с грустной улыбкой стал смотреть в стену напротив. «Ну вот. Все встает на свои места», — подумал он.

Снова холодная камера, снова одиночество и дикая тоска. «Гнать ее, гнать от себя как можно дальше», — мысленно упрямо повторял Игорь, но перед глазами снова появлялись большущие глаза Вики. «Нет, не ее гнать», — стал уточнять он, проваливаясь в зыбкий, как холодная дрожь, сон.

А дальше сон становился странным. В этом сне Игорь проснулся в восемь утра и его подняли с постели. Начальник СИЗО с контролером все время торопили, заставили быстро собрать свои вещи. Почему-то было очень холодно. «Как на расстрел», — подумалось с привычным сарказмом. Игорь пытался шутить, но его грубо обрывали, и никто не хотел смотреть в глаза. Это напрягало. Снова те же коридоры, лестница, по которым его водили на допросы к следователю. Но теперь еще ниже, на первый этаж. А потом сон стал совсем странным, когда его завели в комнату дежурного и стали возвращать, сверяясь с актом, вещи, изъятые при задержании. В том числе и бумажник с телефоном. Бумажник был пустой. Сон приобретал признаки действительности.

Соколовский вышел на улицу и поежился. В спортивном костюме под неласковым зимним небом ему было, мягко говоря, не очень уютно. Небо было серое, слишком землистое для зимы. И дорога напротив ворот СИЗО была серая и грязная. «В таких случаях, кажется, рекомендуется проснуться, — подумал Игорь и засунул замерзшие руки в рукава. — Я на свободе? Постановление о моем освобождении лежит в сумке с моими вещами, но только ощущение сна почему-то не проходит. Наверное, я слишком свыкся с мыслью, что мне конец».

Он не успел пройти и нескольких шагов по улице, как его обогнала машина и остановилась. Соколовский даже не удивился, увидев, как из машины вышел его ад-

вокат с пальто в руках. «Кажется, можно надеяться, что все сейчас станет ясно», — подумал он.

— Рад вас видеть, Федор Сергеевич. Не понимаю... Как вам это удалось? — спросил Игорь, с наслаждением натягивая пальто и забираясь в машину на заднее сиденье.

— Я тут ни при чем.

Игорь с большим изумлением уставился на него. Сон, что ли, продолжается? Машина тронулась, когда адвокат уселся рядом с Соколовским.

— Тогда кто же отозвал иск?

— По идее, сам Игнатьев, — пожал плечами Федор Сергеевич.

— По идее? Вы не знаете точно?

— Видите ли, Игорь Владимирович, — в своей обычной терпеливой манере стал объяснять адвокат, — я пытался получить комментарии от потерпевшей стороны, но встретил отказ в грубой форме.

— Ладно, разберемся, — проворчал Соколовский и стал смотреть в окно на мелькающие мимо витрины магазинов. Ощущение сна как-то не проходило.

— Игорь Владимирович, после смерти вашего отца прошло полгода. С сегодняшнего дня вы вступили в права наследования, и теперь контрольный пакет акций компании принадлежит вам. Поскольку средства компании на время следствия были заморожены, а за вашим отцом числился долг по одной из сделок, то нам пришлось реализовать все свободное имущество, в том числе и вашу квартиру.

— И где я буду жить? — хмыкнул Соколовский, не поворачивая головы.

— Игорь Владимирович, не уверен, что вы меня поняли. Теперь вы владеете всеми активами компании и, думаю, сможете позволить себе жить где угодно. — Ад-

вокат протянул Игорю папку с документами. — Здесь кое-какие документы и фотографии отца. Я подумал, они должны быть у вас.

Ощущение сна наконец рассеялось, когда Игорь увидел вывеску «ЦВЕТЫ». Только сейчас он по-настоящему осознал, что вокруг больше нет однотонных серых стен камеры и угрюмых охранников. Он ощутил наконец себя в мире, где жили люди, где была Вика. А еще в этом мире была вся его прошлая жизнь.

— Остановите машину, — потребовал он, но, выйдя из машины, опомнился и снова наклонился к двери: — Федор Сергеевич! Совсем забыл, что в мире есть такая условность, как деньги.

— Простите. Мне надо было с этого начать. — Адвокат вытащил из внутреннего кармана приличной толщины пачку денег и пластиковую банковскую карту. — Возьмите. Игорь Владимирович, не задерживайтесь, нас ждут в совете директоров.

— Подождут, — отрезал Игорь. — Сначала на кладбище.

«Ну, вот они и вместе», — подумал Игорь, кладя цветы к надгробию под фотографию матери. Сколько всего произошло, но он ведь так и не приблизился к разгадке этой тайны. Кладбищенская тишина обволакивала и как-то успокаивала. Игорь налил водку в пластиковый стаканчик, поставил его под фотографией отца, а потом приложил горлышко к губам и сделал несколько больших глотков. Водка обожгла горло, перехватило дыхание на морозе. Игорь прижал руку к губам и стал смотреть в лица родителей.

— Простите меня, — прошептал он. — Я все сделаю как надо.

На кладбище было слишком пусто, чтобы не заме-

тить одинокую фигуру человека, торчавшую поодаль среди могил. Когда Соколовский посмотрел на незнакомца, тот поднял приветственно руку, накинул на голову капюшон и быстро пошел к выходу. Что-то в этой фигуре было странное и зловещее. Сразу вспомнились и другие люди, которые поджидали его вот так же, когда он приходил навестить маму. И всегда эти люди были связаны с его прошлым.

Соколовский поставил бутылку на снег и пошел следом за незнакомцем. Тот оглянулся и ускорил шаг. Соколовский тоже заторопился. Незнакомец снова обернулся и уже возле самой калитки кладбищенской ограды замешкался, то ли что-то прикладывая к решетке, то ли снимая. Соколовский побежал, но человек уже исчез за оградой. Едва выскочив за ворота, Игорь увидел, что мужчина в капюшоне прыгнул в черную иномарку, которая тут же сорвалась с места и понеслась по улице.

— Игорь, что случилось? — через опущенное стекло двери спросил Федор Сергеевич.

— Заводи! — опомнился Соколовский и бросился к машине адвоката.

Взрывом ему опалило дыхание, вспышка ударила по глазам, а сам Игорь потерял ощущение реальности и опоры под ногами. Его отбросило назад. Почти потеряв сознание, он успел подумать о том, что машина взорвалась вместе с Федором Сергеевичем, с его водителем. И сам Соколовский, еще немного, тоже сгорел бы в этом адском огне. Осознание нелепости и ужаса произошедшего пришло к нему потом, когда он, откашливаясь и трясая головой, попытался сесть на снегу, прикрывая глаза от яркого, горячего пламени, бывшего из развороченных останков машины.

Жар был нестерпимый, и Игорь, кое-как поднявшись на ноги, отошел к самой ограде. И только теперь он

вспомнил, что незнакомец что-то делал здесь, с чем-то замешкался, выбегая из ворот. Это была открытка с видом на море и горы. И через всю открытку черным маркером было размашисто написано: «С возвращением».

Секретарь за стойкой ресепшен, увидев Соколовского, тут же подскочила на своем кресле. Она просто не могла узнать Игоря Владимировича в этом человеке с грязными коленями спортивных брюк, с копотью на лице и комьями грязи на пальто и ботинках.

— Вы куда, молодой человек? Вам туда нельзя!

Соколовский, глядя только себе под ноги, толкнул стеклянную дверь комнаты для совещаний и вошел. Все члены совета директоров дружно повернули головы. Васильев, управляющий компанией, махнул рукой секретарше, чтобы она вышла. Удивленно рассматривая Соколовского, он все же собрался и вежливо произнес:

— Мы все рады вас видеть.

— Прошу всех вон, — хрипло, все еще чувствуя во рту остатки гари, произнес Соколовский, глядя прямо перед собой.

Все присутствующие переглянулись, потом выжидающе посмотрели на Васильева. Тот неопределенно пожал плечами.

— У нас был к вам важный разговор! — начал было управляющий, но Соколовский резко бросил:

— Это не шутка, я жду.

Задвигались с шумом кресла, и все присутствующие в молчании стали подниматься из-за длинного стола, собирая в папки свои бумаги. Васильев стиснул тонкие губы, аккуратно положил маркер на край доски, возле которой он делал доклад, и тоже двинулся к выходу.

— Илья Сергеевич, останьтесь, — потребовал Соколовский.

Управляющий остановился, закрыл плотно дверь, а потом резко повернулся.

— Игорь, что ты творишь? — недовольно заговорил он. — Что с тобой случилось? Где Федор Сергеевич?

— Федор Сергеевич только что погиб, — медленно выговаривая каждое слово, ответил Соколовский. — А меня отпустили на свободу не просто так. Еще не знаю зачем. Но узнаю.

— И... что вы будете делать? — наконец, поборов чувство растерянности, спросил Васильев.

— Развивать отцовский бизнес. — Игорь повернулся к Васильеву и посмотрел ему в глаза. — Что вы так смотрите на меня? Вы можете мне помочь. Или выйти за дверь следом за остальными. Выбирайте.

— Какой план? — после короткой паузы решительно спросил Васильев, не двинувшись с места.

— Мне нужен юрист, разбирающийся в вопросах поглощений. Сильный корпоративный юрист.

— Хорошо, — кивнул Васильев, — мне нужно будет позвонить.

— Звоните. — Соколовский поднялся, поморщившись от боли в колене, и двинулся к выходу.

— Вы куда?

— Мне пора на работу. Я же мент.

«А вот это даже и лучше», — подумал Соколовский, когда дежурный сказал ему, что весь отдел Родионовой находится на совещании у начальника отделения полиции. Толкнув дверь, Игорь вошел и молча уселся на свободный стул возле приставного стола. Конечно же, Вика сразу стала смотреть на него своими большими глазами. Жека удивленно вытаращился и толкнул Даню локтем. Королев взглянул без особых эмоций. «Недоволен», — мысленно оценил его реакцию Соколовский. Пряников

установился на него угрюмо, и понять по его лицу что-то еще было сложно. И тогда Игорь решил разрядить обстановку.

— Я на совещание и пришел, — не поднимаясь со стула, заявил он. — Разрешите? Вижу, как все мне здесь рады. Только не лезьте обниматься все сразу.

— Соколовский! Сходи для начала умойся, — проворчал в своей обычной манере Пряников. — Остальным читать статистику, делать выводы. Все свободны.

На душе почему-то стало спокойнее. Игорь набирал воду в ладони и плескал себе на лицо над раковиной. «Сроднился я с ними, что ли, — думал он. — Даня опять ревнует, Вика не знает, как к моему возвращению отнестись. Даже Пряников не знает, как к этому отнестись, поэтому и взял тайм-аут и отправил умыться». Вода остужала разгоряченное лицо и сознание. Теперь мысль, что покушение было не только на адвоката его отца Федора Сергеевича, но и на него самого, стала восприниматься иначе — как призыв к схватке. Ладно, разберемся. И за Федора Сергеевича с вами тоже придется поквитаться. Ваш счет растет, господа.

Пряников вошел в туалет и встал за спиной Соколовского.

— Мне звонили из управления, — раздался глухой голос подполковника. — Сказали, дела о покушении больше нет.

— Круто, — согласился Игорь, стряхивая воду с рук.

— Мне приказали тебя восстановить, — как-то нехотя сказал Пряников и тут же добавил, как будто спохватился: — Нет, я рад, конечно, но... ясно же, что дело нечисто. Ты уверен, что хочешь дальше служить? Оно тебе надо? А мне? Одни хлопоты с тобой.

— Обещаю, Андрей Васильевич, больше не стрелять

в бизнесменов, — пряча улыбку, сделал честные глаза Соколовский.

Подполковник достал из кармана удостоверение и протянул:

— Держи, лейтенант Соколовский!

Первым в коридоре Соколовского сгреб в охапку Жека. Но, увидев взгляд Дани, Аверьянов смутился и отпустил Игоря. Вика была с ним холодна, Дания не видел в упор. «Что же, я снова им чужой? — подумал Игорь, провожая глазами коллег. — Вот я и на работе».

— Какой, к черту, палец, ты че, кино пересмотрел? — Соколовский повернул голову на голос и увидел, как помощник дежурного выставляет за дверь пацаненка лет десяти. — Иди отсюда. Говорю же, от детей заявления мы не принимаем.

— Но это правда! — пытался докричаться мальчишка в дверную щель.

— Тогда пусть отец придет и сам напишет, — отрезал помощник и захлопнул дверь, проворчав: — Юморист!

Соколовский посмотрел на помощника дежурного и решительно двинулся к выходу. Мальчишку он догнал уже метрах в двадцати от отдела.

— Эй! — Игорь взял пацана за плечо и развернул лицом к себе. — Парень, что случилось?

У мальчика было очень солидное серьезное лицо, и он усердно размазывал по щекам слезы.

— Ничего. А вам какое дело?

— Читать уже умеешь? — Игорь достал новенькое удостоверение и раскрыл его.

— Умею. Лейтенант Игорь Соколовский, — прочитал мальчик и шмыгнул носом. — Только толку? Отец все равно не придет, а меня ваши слушать не хотят.

— Я слушаю. — Игорь подвел мальчишку к лавке и усадил на нее. — Тебя как зовут?